

ДЕМОГРАФИЯ И СОЦИАЛЬНЫЙ ПОРЯДОК: КОЛИЧЕСТВЕННЫЙ АНАЛИЗ ВЛИЯНИЯ ДОЛИ МОЛОДЕЖИ НА УРОВЕНЬ ПРЕСТУПНОСТИ В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ*

Даниил Михайлович Романов

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»;

Евгений Александрович Иванов

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»;

Марат Бахтиярович Айсин

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Данное исследование предлагает оригинальный подход к рассмотрению социально-политической дестабилизации через смещение исследовательского фокуса с политических режимов на изучение социальных порядков и замещению анализа политического активизма – на анализ уровня преступности.

Тогда как общепринятая исследовательская традиция говорит об образованной и квалифицированной безработной молодежи как основной движущей силе политических протестов различного характера (от ненасильственных демонстраций до бунтов и террористических атак), за рамками анализа остается участие в процессах дестабилизации молодежи с более низким уровнем образования, для которой характерны иные ценности (или их отсутствие), а также собственные жизненные стратегии, расходящиеся с представлениями высокообразованных выпускников вузов.

Оказавшись в маргинальном положении или, более того, в состоянии социального угнетения, такая молодежь находит выход для своего недовольства не столько через политический акционизм, а, скорее, через переход в “серую” зону общественной жизни с возможной последующей криминализацией. Следовательно, происходит нарастание качественно иного потенциала социальной

* Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (проект № 18-18-00254).

дестабилизации, угрожающей не политической конструкции в целом, а, в первую очередь, общественному порядку в локалитетах.

Эта работа отчасти закрывает собой вышеобозначенную лакуну в научном знании в сфере изучения демографических аспектов социально-политической дестабилизации. Данное исследование привлекает научное сообщество к новой дискуссии по обозначенной теме.

Результаты анализа наглядно демонстрируют наличие устойчивой и значимой статистической связи между удельным «весом» молодежной страты в общей возрастной структуре населения и уровнем насильственной преступности, что, в свою очередь, указывает на подрыв конвенциональных социальных порядков.

Демография и стабильность. Новые подходы к концептуализации: от режимов – к социальным порядкам, от протестов – к преступности

Большинство исследований, посвященных социально-политической дестабилизации, включая наши предыдущие работы, говорят именно о политических или политически-мотивированных проявлениях данных процессов (Goldstone *et al.* 2010; Кортаев *et al.* 2015; Кортаев *et al.* 2017). При этом, следует понимать, что большое множество «социально-политического» включает в себя два составных подмножества событий.

Первое – подмножество «политического» накладывается на область «социального», поскольку всякое политическое событие по умолчанию является социальным, но не всякое социальное подпадает под множество политического. Второе – подмножество событий, собственно связанных с дестабилизацией общественной жизни, не имеющих отсылок к сфере «политического» или незначительно связанных с ней. В частности, таковым можно считать преступность и насильственную преступность. Рост показателей правонарушений говорит о том, что власть не справляется с одной из своих ключевых функций по охране общественного порядка и недостаточно эффективно реализует монополию на легитимное насилие. Следовательно, всплески преступности и насилия можно также отнести к проявлениям дестабилизации социального порядка на отдельно взятой территории или в отдельно взятом сообществе людей.

В постсоветских государствах и России, в частности, социально-политическая дестабилизация проявляется не только и не столько в политическом измерении, а, скорее, в социальном (Round, Williams 2010). Наши предыдущие исследования показывают, что даже в тех странах бывшего СССР и Восточной Европы, в которых существует целый ряд релевантных факторов, являющихся сильными предикторами дестабилизации (Коротаев *et al.* 2019; Иванов, Исаев 2018), проявляющейся в запросе на смену политического режима, конвертация этого потенциала во всплески политической нестабильности не является закономерностью. Например, четыре государства Центральной Азии пережили бурный демографический рост с конца 1980-х до середины 2000-х гг. В результате демографического бума население Узбекистана и Таджикистана увеличилось на треть. Население Кыргызстана и Туркмении росло чуть меньшими темпами, тем не менее, доля молодежи в общей демографической структуре значительно возросла.

Однако данный фактор, известный как «молодежные бугры» в условиях постсоветской Центральной Азии проявлял себя по-разному. Кыргызстан стал единственным государством, где молодежный фактор выступал в качестве одного из решающих драйверов двух революционных смен правящих элит. Тогда как Узбекистан, Туркмения и Таджикистан (последний – после гражданской войны) прошли этот период относительно спокойно. Кроме того, если в Таджикистане и Узбекистане молодежный фактор несколько сглаживался высокими темпами трудовой миграции в Россию и отчасти в Казахстан, Турцию и Европу, то в Туркмении – самой стабильной республике в регионе – происходила концентрация молодежи внутри страны, что, впрочем, практически никак не проявилось на динамике общественно-политических процессов (Иванов, Исаев 2018; Романов *et al.* 2018).

Рассмотрение кейса Молдовы, также являющейся страной-донором трудовых мигрантов для России и европейских стран, показывает, как революционные смены власти могут происходить в странах, в которых относительно высокая доля молодежи нивелируется высоким уровнем эмиграции. Аналогичные рамки применимы к Украине, где в последние десятилетия шли процессы «старения» потенциальной социальной базы политических протестов. При этом Украина, как и «молодая» Киргизия прошли через две

смены правящих элит революционным путем. Это указывает на то, что в странах с консолидированными персоналистскими режимами, фактор «молодежных бугров» может проявлять себя по-разному.

Тем не менее, стоит отметить определенную концептуальную узость такого подхода. Ввиду особенностей институционального дизайна и поведенческих паттернов политическая сфера на постсоветском пространстве представляет из себя сравнительно узкий сегмент общественного активизма. Что, в свою очередь, вовсе не означает, что молодежный фактор не проявляет себя в качестве триггера дестабилизационных процессов иным образом. В результате нами было предложено концептуальное решение о смещении исследовательского фокуса с политических режимов на социальные порядки в целом.

В условиях низкого социального капитала, атомизации общества и отсутствия межличностного доверия, организация массовых коллективных действий в существенной мере затруднена. Более того, спустя почти три десятилетия с момента распада СССР на постсоветском пространстве не происходило систематического и последовательного наращивания опыта коллективного действия.

Массовые протесты в Грузии в 2003 г., Украине в 2004–2005 и 2013–2014 гг., Кыргызстане в 2005 и 2010 гг., Молдове и Армении в 2018 г. имеют разную природу. Часть акций была инспирирована профессиональными политиками и организациями, которые также осуществляли координацию этих действий. Некоторые протесты во многом носили стихийный характер. Посему лишь некоторые массовые акции стали следствием именно низовой самоорганизации граждан, а не других причин. Хотя статистическими методами можно уловить наличие связи между долей молодежи (сюда же – образованной, безработной и образованной безработной молодежи), характер такой связи не всегда очевиден.

Общим местом стал популяризированный кейс социалистической Румынии времен правления Н. Чаушеску. Начиная с середины 1960-х гг., когда Николае Чаушеску стал руководить страной, правительством был принят комплекс мер по стимулированию естественного прироста населения, в первую очередь, за счет повышения рождаемости. Громким решением стал запрет на аборт в 1966 г., однако это не было единственным условием скачка рождаемости

в стране. Государство активно поощряло многодетные семьи, повышая для них детские пособия и предоставляя набор льгот. Запретительные барьеры включали в себя не только борьбу с абортами, но и ограничения на покупку контрацептивов и практическую невозможность оформить развод (Левитт, Дабнер 2007; Kligman 1998).

В результате только за первый год с момента объявления жесткого демографического курса количество рождений на женщину подскочило с 1,9 до 3.63. И хотя в дальнейшем этот показатель начал снижаться, и уже в 1970-ом г. был ниже 3.0, а с 1979 г. закрепился на уровне ниже 2,5, вплоть до 1991 г. по уровню фертильности Румыния опережала страны Европейского Союза (WorldBank 2019).

Поколение румын, рожденных с конца 1960-х по конец 1970-х гг., к эпохе распада социалистической модели было крайне многочисленным. При этом румынская молодежь росла в неблагоустроенной и нередко в неблагополучной среде. К периоду совершеннолетия они сталкивались с отсутствием социальных лифтов и карьерных перспектив. Поэтому румынская молодежь стала основной движущей силой по сносу режима Чаушеску и закату прежней румынской модели общественно-политического устройства.

Несмотря на то, что многие исследования вполне обосновано указывают на прямую (Коротаев *et al.* 2017; Goldstone *et al.* 2010; Kligman 1998) или косвенную (Иванов, Исаев 2018) связь между демографией и стабильностью социального порядка, специфика отношений между отдельными возрастными когортами и со сбоями в поддержании социального порядка остается не до конца изученной. При этом традиционно нестабильность подобного рода, включая рост криминогенности, связывается с диспропорцией в молодежной когорте (Brown 2005; Varon 2004). Из чего логично следует вопрос: влияет ли относительно высокая доля молодежной когорты как таковая на уровень преступности в целом?

Отсутствие консенсуса по данному вопросу повлекло собой необходимость качественно новой операционализации понятий и отбора новых переменных для статистико-математических методов анализа. К примеру, предлагается выразить социальную дестабилизацию через рост криминогенности, что в целом созвучно большим теориям, говорящим о том, что монополия на легитимное насилие

является неотъемлемой чертой любого состоятельного государства (см. Т. Гоббса с идеей о Левиафане как «сильной руке», устанавливающей порядок, а также М. Вебера).

Рост криминогенности в данном случае говорит о подрыве основ государственной состоятельности и ослаблении государственного функционала. Высшим проявлением криминогенности выступает насильственная преступность. Проникновение криминального этоса в повседневные практики россиян и, более того, воспроизводство этих практик, прежде всего, в молодежной среде повсеместно фиксируется социологами (Савельева 2018; Вечканова 2017; Юсупов, Громов 2017).

Распространение данного явления стало возможным через копирование и перенесение поведенческих моделей представителей уголовной среды в молодежные сообщества в формате субкультуры, известной как АУЕ (арестантский уклад един или арестантско-уркаганское единство). Исследователи отмечают, что основной социальной группой, подверженной негативному влиянию становятся именно подростки в возрасте 14–18 лет, которые в свою очередь вовлекают в эти процессы детей младших возрастов (Юсупов, Громов 2017: 237).

Сочетание криминального этоса с тяжелым социально-экономическим положением, низкой социальной мобильностью и фактическим отсутствием работающих социальных лифтов порождает рост низового недовольства в молодежной среде. И если для образованной молодежи в крупных городских агломерациях важным каналом выражения недовольства и борьбы за лучшие перспективы становится общественно-политический активизм, то для менее образованной молодежи в малых городах и сельской местности более характерно перерастание фрустрации в агрессию. Чем выше доля молодежной страты в общей структуре населения, тем, во-первых, выше конкуренция внутри молодежной страты и, во-вторых, более ошутим выплеск агрессии в масштабах всего сообщества. Таким образом, при определенных социальных условиях демографический фактор может преобразоваться в фактор конфликтогенный.

Мы полагаем, что существует вилка: большой удельный вес образованной и/или образованной безработной молодежи повышает шансы массовых акций политического протеста, а аналогично непропорциональная доля малообразованной молодежи из социаль-

но неблагополучной среды может повлечь рост уровня насильственной преступности.

Данная тенденция характерна для постсоветских и, более того, посткоммунистических стран, однако проявляется себя в разной мере. В данной работе в качестве основного кейса для анализа выбрана Россия, поскольку, с одной стороны, она являлась ядром Советского Государства и остается значимым центром постсоветского пространства, с другой – процессы ослабления центральной власти и появление альтернативных локусов, обладавших ресурсами насилия, в России проявились наглядно и в большом масштабе, что позволяет соотносить результаты данного исследования с аналогичными процессами в других регионах постсоветского пространства. При этом обратное сопоставление, например, грузинского, казахстанского или даже украинского кейса не будет столь релевантным, как в отношении России, так и в отношении остальных республик бывшего СССР. Кроме того, российские правоохранительные органы предоставляют большой статистический массив данных по всем регионам страны. Учитывая сравнительно большой размер выборки (относительно доступных и подходящих опций), именно российский кейс позволяет получить наиболее точные и статистически значимые результаты.

Для восполнения обозначенной лакуны следует сместить фокус концептуализации понятия «социально-политическая дестабилизация» и операционализировать оригинальные зависимые переменные с целью последующего построения математических моделей. Используя статистические данные о преступности и удельного «веса» молодежной страты на субнациональном уровне, нам удалось установить, что действительно наличие сравнительно больших молодежных страт в общей возрастной структуре населения оказывает существенное статистически значимое влияние на уровень насильственной преступности в регионах. Более того, молодежная преступность играет в этом большую роль.

Эмпирический анализ связи между уровнем насильственной преступности и «молодежными буграми» в российских регионах

Так как существует ряд исследований, которые убедительно показывают, что существует положительная связь между уровнем преступности и увеличением количества молодежи в численности

населения страны (региона), мы хотим проверить данную связь с помощью эмпирических методов.

Прежде чем проводить эмпирический анализ необходимо определить с тем, как высчитывать «молодежные бугры». В данный момент не существует одного единого способа подсчета данного показателя – разные авторы предлагают собственные способы. Некоторые исследователи предлагают измерять «молодежные бугры» как пропорцию молодых людей 15–24 лет в общей численности населения. Другие исследователи предлагают измерять данную переменную как пропорцию молодых людей (или молодых мужчин) 15–24 лет или 15–29 лет в численности взрослого населения страны (региона) старше 15+ лет. Романов и Коротаев указывают, что между предлагаемыми подходами нет существенных различий (см. Romanov and Korotayev 2019). Таким образом, лучше использовать подход, который охватывает наибольшую группу молодых людей. Поэтому мы будем измерять «молодежные бугры» как пропорцию молодых людей 15–29 лет в общей численности взрослого населения региона старше 15+ лет¹. В качестве двух основных зависимых переменных мы берем «Число зарегистрированных убийств (ст. 105 УК РФ) и покушений на убийство (ч. 3 ст. 30 и ст. 105 УК РФ)» и «Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью (ст. 111 УК РФ) – число зарегистрированных преступлений»², так как именно эти показатели отражает интенсивность насильственной преступности в регионах России. Кроме того, так как в предыдущих исследованиях было убедительно показано, что ряд переменных может быть связан с интенсификацией преступности, мы включаем их в качестве контрольных переменных: уровень безработицы³ (Fougere, Gramariz, Pouget 2009; Falk, Kuhn, Zweimüller 2011), уровень образования (Lochner 2004; Groot, vandenBrink 2010), потребление алкоголя⁴ (Андриенко 2001; Корсантия, Максименко 2009). Кроме

¹ Данные по отдельным возрастным когортам мы берем из базы данных Федеральной службы. Государственной статистики (Росстат, 2019а).

² Данные по насильственной преступности были взяты из базы данных ЕМИСС (ЕМИСС, 2019а).

³ Данные по уровню безработицы мы берем из базы данных Федеральной службы государственной статистики (Росстат, 2019б).

⁴ В качестве переменной, отражающей потребление алкоголя в регионе, мы берем проданное количество литров водки и ликероводочных изделий на душ. нас. (ЕМИСС, 2019б).

того, чтобы учесть различия в социально-экономического развития регионов мы добавляем контрольные переменные на уровень экономического развития региона, измеренный как ВРП на душ. нас⁵, и количество людей⁶, проживающих в регионе. Таким образом, наши данные охватывают российские регионы в период с 2000 по 2015 гг.

Для того, чтобы корректно проанализировать данные из нашей базы мы воспользуемся моделями с фиксированными эффектами на регион, чтобы избежать проблем, связанных с особенностями наших данных, которые содержат наблюдения по годам и регионам. Так как временной период наших данных сравнительно небольшой, мы не включаем фиксированные эффекты на время.

Распределения наших двух зависимых переменных, отражающих количество убийств и покушений на убийство и количество умышленных причинений тяжкого вреда здоровью, следующие (см. Рис. 1 и Рис. 2).

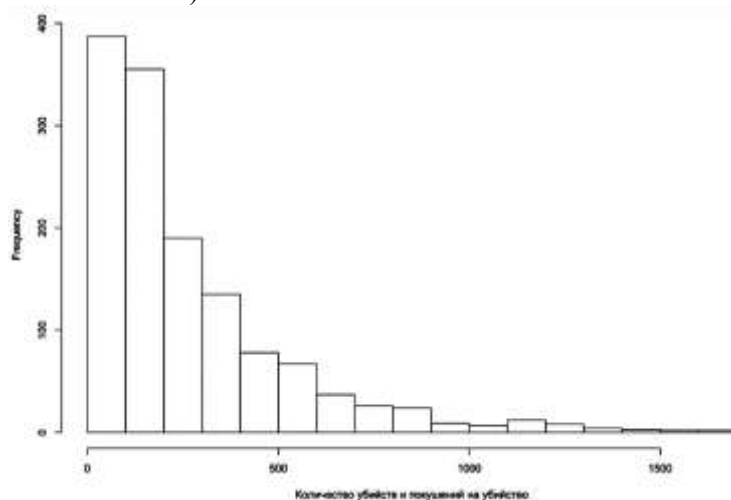

Рис. 1. Распределение количества убийств и покушений на убийство.

Источник: ЕМИСС 2019а.

⁵ Мы берем данные по Валовому региональному продукту (ВРС в основных ценах, всего) млн руб., по полному кругу предприятий из базы данных ЕМИСС (ЕМИСС, 2019с).

⁶ Мы берем данные по численности постоянного населения в среднем за год (ЕМИСС, 2019d).

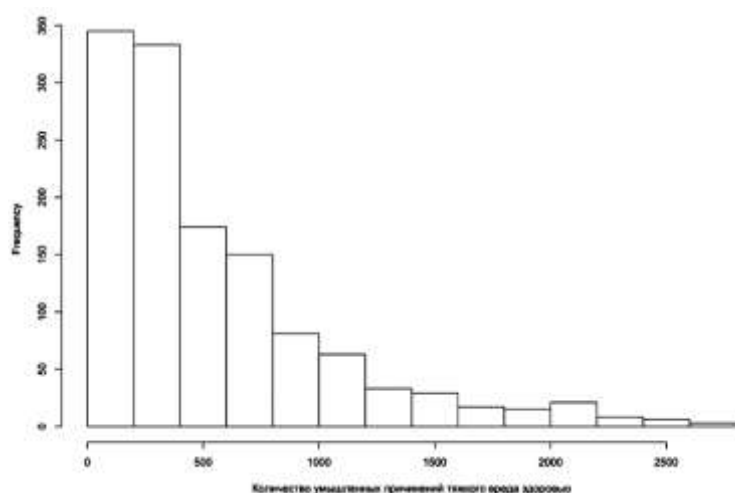

Рис. 2. Распределение количества умышленных причинений тяжкого вреда здоровью.

Источник: ЕМИСС 2019а.

Связь между уровнем насильственной преступности (числом убийств и покушений на убийства) и «молодежными буграми» в российских регионах следующая (см. Рис. 3).

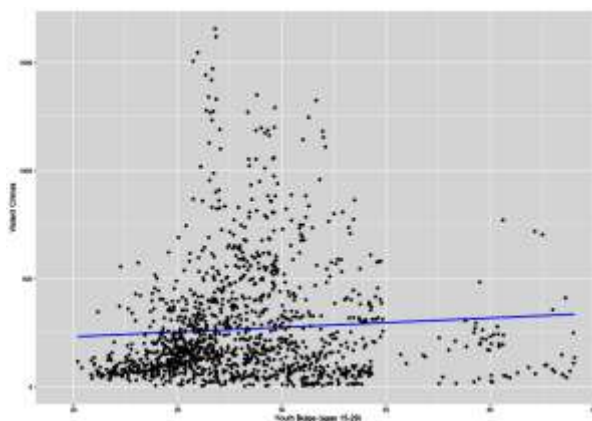

Рис. 3. Связь «молодежных бугров» и уровня насильственной преступности, связанной с убийствами, в российских регионах в 2000–2015 гг.

Источник: ЕМИСС, 2019а; Росстат, 2019а.

Из Рис. 3 следует, что связь между двумя переменными скорее положительная, однако может быть неидеально линейной.

Далее приведем диаграмму рассеивания, на которой запечатлена связь между «молодежными буграми» и интенсивностью преступности, связанной с умышленным причинением тяжкого вреда здоровью (см. Рис. 4).

Результаты, представленные на Рис. 4, также довольно противоречивы. С одной стороны мы видим, что существует слабо выраженная положительная связь между уровнем преступности, связанной с причинением тяжкого вреда здоровью, и «молодежными буграми», с другой – данная связь между двумя переменными может носить нелинейный характер.

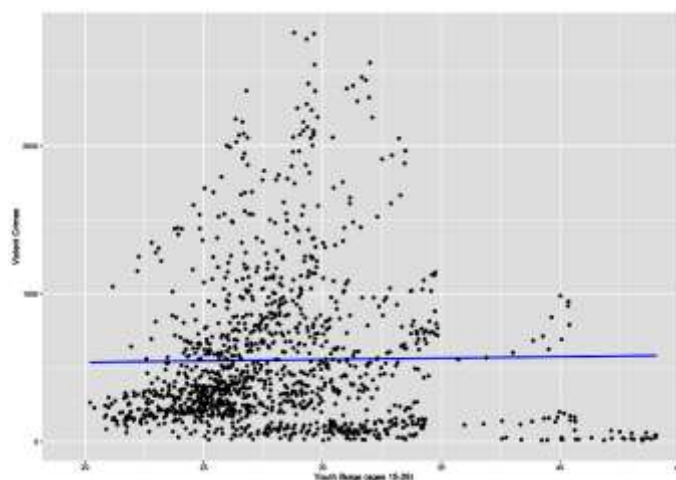

Рис. 4. Связь «молодежных бугров» и уровня насильственной преступности, связанной с причинением тяжкого вреда здоровью, в российских регионах в 2000–2015 гг.

Источник: ЕМИСС 2019а; Росстат 2019а.

Можно видеть в Табл. 1, что в среднем в российских регионах в период с 2000 по 2015 гг. за год совершалось примерно 266 убийств (или покушений на убийство) и 543 умышленных причинений вреда здоровью. Заметим, что в среднем в российских регионах за данный период времени пропорция молодых людей 15–29 лет в численности взрослого населения составляла примерно 28 %.

Описательные статистики по собранной нами базе данных следующие (см. Табл. 1).

Табл. 1. Дескриптивные характеристики используемых переменных

Показатели	Число наблюдений	Среднее	Стандартное отклонение	Минимальное значение	Максимальное значение
Убийства	1346	266,2	262	4,0	1657
Причинение вреда	1278	542,7	509,8	7,0	2765
«Молодежный бугор»	1611	28,0	4,2	19,4	44,1
ВРП на душ. нас.	1352	920398	22 853405	588	840 101057
Население	1564	1 686 971	1656207	16 368	12 263861
Безработица	1458	9,6	6,7	0	67,7
Образование	1454	24	6,5	0	51,8
Продажа водки на душ. нас.	1287	11,7	5,0	0	31,9

Далее для корректного анализа данных мы используем регрессионный анализ данных. Результаты тестирования связи между уровнем насильственной преступности и «молодежными буграми» в российских регионах в период с 2000 по 2015 гг. следующие (см. Табл. 2).

Табл. 2. «Молодежные бугры» и насильственная преступность в российских регионах (2000–2015)⁷

	Зависимые переменные:	
	Убийства (1)	Причинение вреда здоровью (2)
«Молодежный бугор»	22,866*** (5,705)	31,708*** (7,266)
ВРП (logged)	-104,769*** (23,311)	-103,174*** (20,071)
Население (logged)	-633,560 (369,603)	-526,738 (304,902)
Безработица	-6,735 (3,445)	-9,764*** (2,547)
Образование	-1,482 (2,772)	-1,879 (2,013)

⁷ В обеих моделях, представленных в Табл. 2, использованы робастные стандартные ошибки.

Окончание Табл. 2

	Зависимые переменные:	
	Убийства (1)	Причинение вреда здоровью (2)
Потребление водки	6,531* (2,669)	7,012* (2,933)
Число наблюдений (N)	1109	1030
R ²	0,473	0,449

Примечание: *p < 0,05; **p < 0,01; ***p < 0,001.

Результаты, представленные в Табл. 2 в первой модели, зависимой переменной в которой является число зарегистрированных убийств, убедительно свидетельствуют, что так называемые «молодежные бугры» являются положительными статистически значимыми предикторами интенсификации числа насильственных преступлений, связанных с убийствами. Так, при увеличении количество молодежи 15–29 лет в числе взрослого населения старше 15+ лет на один процентный пункт, можно ожидать увеличение числа преступлений, связанных с убийствами, на примерно на 22 новых случая, при прочих равных. Кроме того, ряд других, предикторов, оказался связан с интенсификацией насильственных убийств. Так, рост ВРП региона, по-видимому, отрицательно связан с интенсификацией насильственной преступности, а увеличение продажи водки на душ. нас. положительно связано с интенсификацией насильственной преступности, связанной с убийствами.

Результаты, представленные в Табл. 2 в во второй модели, зависимой переменной в которой является число умышленных причинений вреда здоровью, позволяют сделать вывод о том, что увеличение доли молодых людей 15–29 лет в общей численности взрослого населения региона старше 15+ лет может быть положительно связано с интенсификацией преступлений, связанных с причинением вреда здоровью. Так, при увеличении количество молодежи 15–29 лет в числе взрослого населения старше 15+ лет на один процентный пункт, можно ожидать увеличение числа преступлений, связанных с умышленным причинением тяжкого вреда здоровью, на примерно на 32 новых случая, при прочих равных. Кроме того, обратим внимание на то, что ряд других переменных оказался связан с интенсификацией преступности, связанной с при-

чинением тяжкого вреда здоровью. Например, нам удалось выяснить, что уровень безработицы в регионе отрицательно связан с увеличением числа преступлений, касающихся причинения тяжкого вреда здоровью. Как и в случае с преступлениями, связанными с убийствами, заметим, что продажа водки на душу населения является положительным статистически значимым предиктором интенсификации преступности, связанной с причинением тяжкого вреда здоровью. Кроме того, обратим внимание на то, что уровень экономического развития отрицательно связан с интенсификацией преступлений, связанных с причинением тяжкого вреда здоровью.

Заключение

Таким образом, на основании проведенного анализа можно сказать, что доля молодежи является статистически значимым предиктором социальной дестабилизации на субнациональном уровне. Повышение доли молодежной когорты относительно прочих возрастных групп отражается на уровне преступности в регионе. Кроме того, в совокупности с потреблением алкоголя (в расчете на душу населения), эти две переменных в значительной мере объясняют изменения в уровне тяжких и особо тяжких преступлений (например, убийства).

Следовательно, наличие указанных демографических предпосылок требует особого внимания со стороны местных и региональных властей для реализации превентивных мер по росту молодежной преступности. В частности, в качестве одной из возможных мер можно привести ужесточение контроля за розничной продажей алкоголя, повышение уровня занятости в молодежной среде, создание новых социальных лифтов (это может быть спорт, творческая или общественная деятельность). Создание таких институциональных условий будет иметь не только краткосрочный, но и более длительный эффект для устойчивости развития региона в целом.

Библиография

- Андрienko Ю. В. 2001. В поисках объяснения роста преступности в России в переходный период: криминометрический подход. *Экономический журнал Высшей школы экономики* 5(2).

- Вечканова А. П. 2017.** Причины возникновения субкультуры АУЕ (Арестантский уклад един). *Актуальные проблемы правового, социального и политического развития России*: 57–58.
- ЕМИСС. 2019a.** Количество преступлений, зарегистрированных в отчетном периоде. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/36225.do>.
- ЕМИСС. 2019b.** Продажа алкогольных напитков в расчете на душу населения (в натуральном выражении). URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/31432.do>.
- ЕМИСС. 2019c.** Валовой региональный продукт в основных ценах (ОКВЭД-2007). URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/33379.do>.
- ЕМИСС. 2019d.** Численность постоянного населения в среднем за год. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/31556.do>.
- Иванов Е. А., Исаев Л. М. 2018.** О методике оценки текущего состояния и прогноза социальной нестабильности в странах Центральной Азии. *Полис. Политические исследования* 2(2): 59–78.
- Коротаев А. В., Исаев Л. М., Васильев А. М. 2015.** Количественный анализ революционной волны 2013–2014 гг. *Социологические исследования* 8: 119–127.
- Коротаев А. В., Шишкина А. Р., Лухманова З. Т. 2017.** Волна глобальной социально-политической дестабилизации 2011–2015 гг.: количественный анализ. *Полис. Политические исследования* 6: 150–168.
- Коротаев А., Романов Д., Медведев И. 2019.** Эхо «арабской весны» в Восточной Европе: опыт количественного анализа. *Социологическое обозрение* 18(1): 56–95.
- Корсантия А. А., Максименко И. В. 2009.** Основные причины детерминации преступности в Российской Федерации. *Право и безопасность* 2: 100–105.
- Левитт С., Дабнер С. 2007.** Фрикономика. Мнение экономиста-диссидента о неожиданных связях между событиями и явлениями. *ИД Вильямс*.
- Романов Д. М., Иванов Е. А., Медведев И. А., Исаев Л. М. 2018.** Социально-политическая дестабилизация в постсоветской Центральной Азии: старые угрозы и новые вызовы. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков*. Вып. 9. *Социально-политическая и экономическая дестабилизация: анализ страновых и региональных ситуаций в мир-системном аспекте*: 475–507.
- Савельева Т. А. 2018.** АУЕ как одна из современных угроз национальной безопасности России. *Проблемы противодействия криминальной субкультуре*: 116–121.

- Федеральная служба государственной статистики (Росстат). 2019a.** Численность постоянного населения России по возрасту на 1 января. URL: <https://showdata.gks.ru/report/274848/>.
- Федеральная служба государственной статистики (Росстат). 2019b.** Занятость и заработная плата. URL: <https://cbsd.gks.ru/#1>.
- Юсупов Р. А., Громов В. Г. 2017.** Сущность и детерминанты АУЕ. *Право и правоохранительная деятельность*: 234–236.
- Baron S. W. 2004.** General strain, street youth and crime: A test of Agnew's revised theory. *Criminology* 42(2): 457–484.
- Brown S. 2005.** Understanding youth and crime: Listening to youth? *McGraw-Hill Education (UK)*.
- Falk A., Kuhn A., Zweimüller J. 2011.** Unemployment and right-wing extremism. *Scandinavian Journal of Economics* 113(2): 260–285.
- Fougère D., Kramarz F., & Pouget J. 2009.** Youth unemployment and crime in France. *Journal of the European Economic Association* 7(5): 909–938.
- Goldstone J. A., Bates R. H., Epstein D. L., Gurr T. R., Lustik M. B., Marshall M. G., Woodward M. 2010.** A global model for forecasting political instability. *American Journal of Political Science* 54(1): 190–208.
- Groot W., van den Brink H. M. 2010.** The effects of education on crime. *Applied Economics* 42(3): 279–289.
- Kligman G. 1998.** The politics of duplicity: Controlling Reproduction in Ceausescu's Romania. *Univ. of California Press*.
- Lochner L. 2004.** Education, work, and crime: A human capital approach. *International Economic Review* 45(3): 811–843.
- Round J., Williams C. 2010.** Coping with the social costs of 'transition': everyday life in post-Soviet Russia and Ukraine. *European urban and regional studies* 17(2): 183–196.
- World Bank. 2019.** Fertility rate, total (births per woman) – Romania, European Union. *United Nations Population Division. World Population Prospects: 2019 Revision*. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SP.DYN.TFRT.IN?locations=RO-EU&view=chart>.